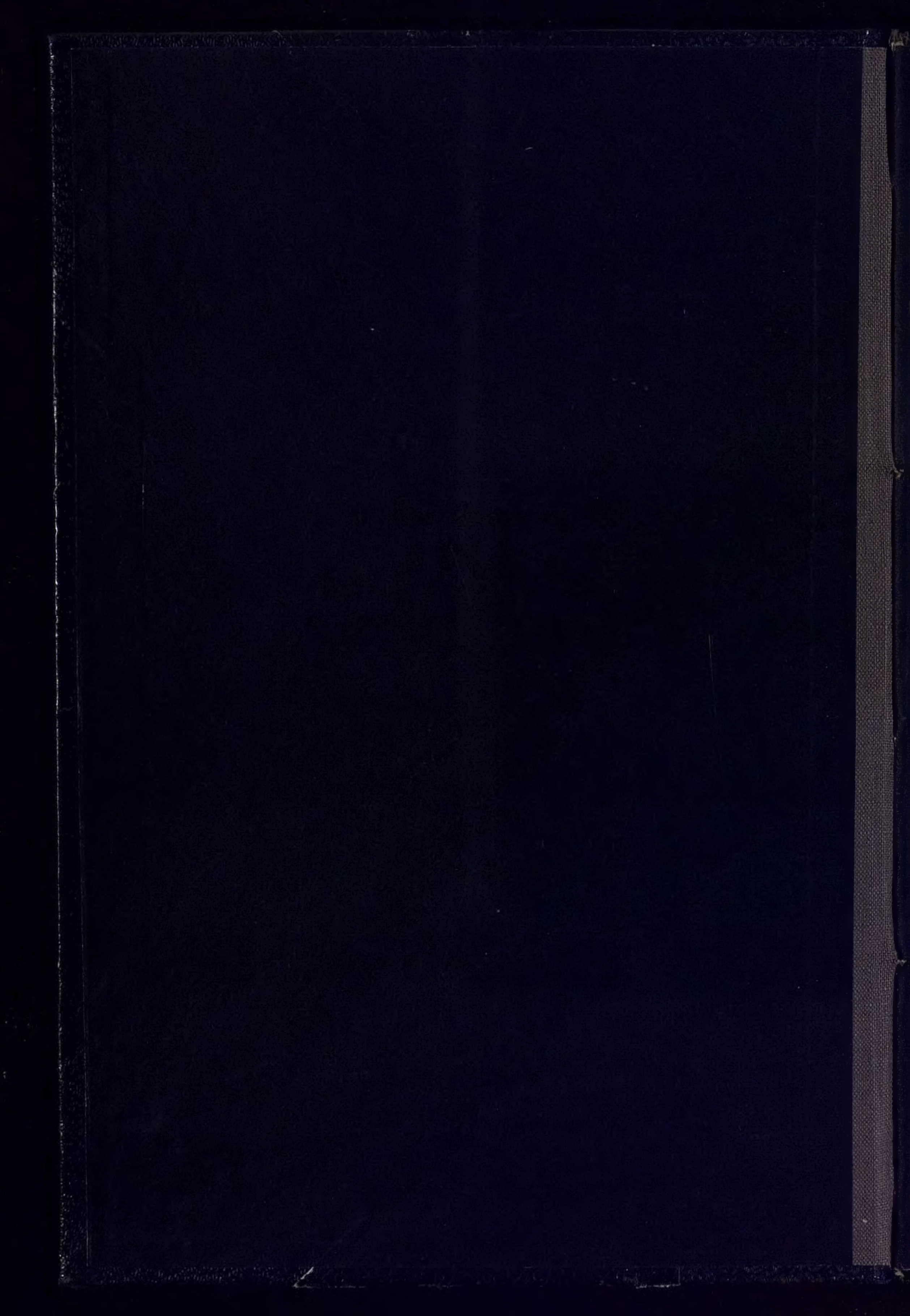
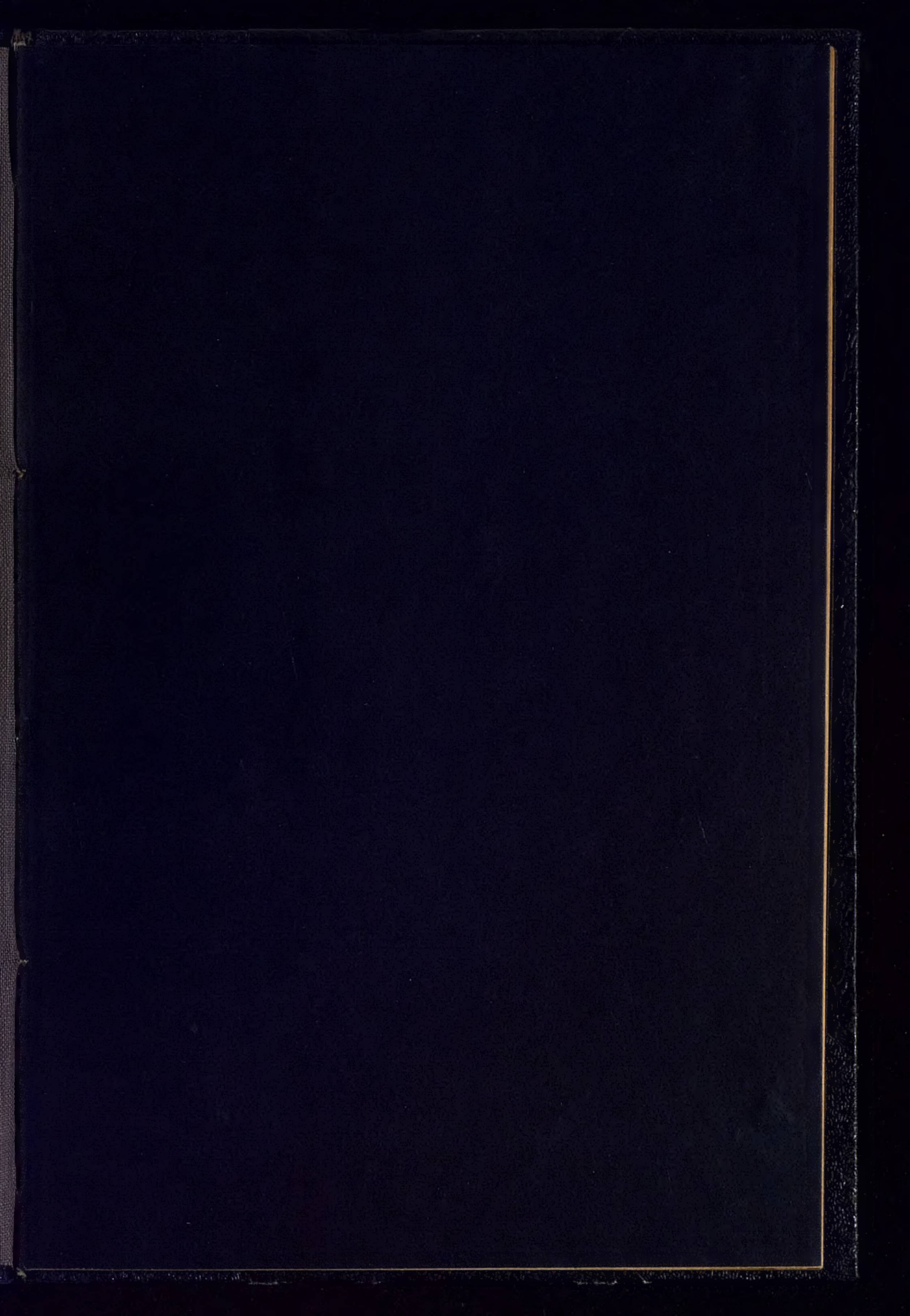

В. Водовозовъ ВОЙНА
И РЕВОЛЮЦІЯ

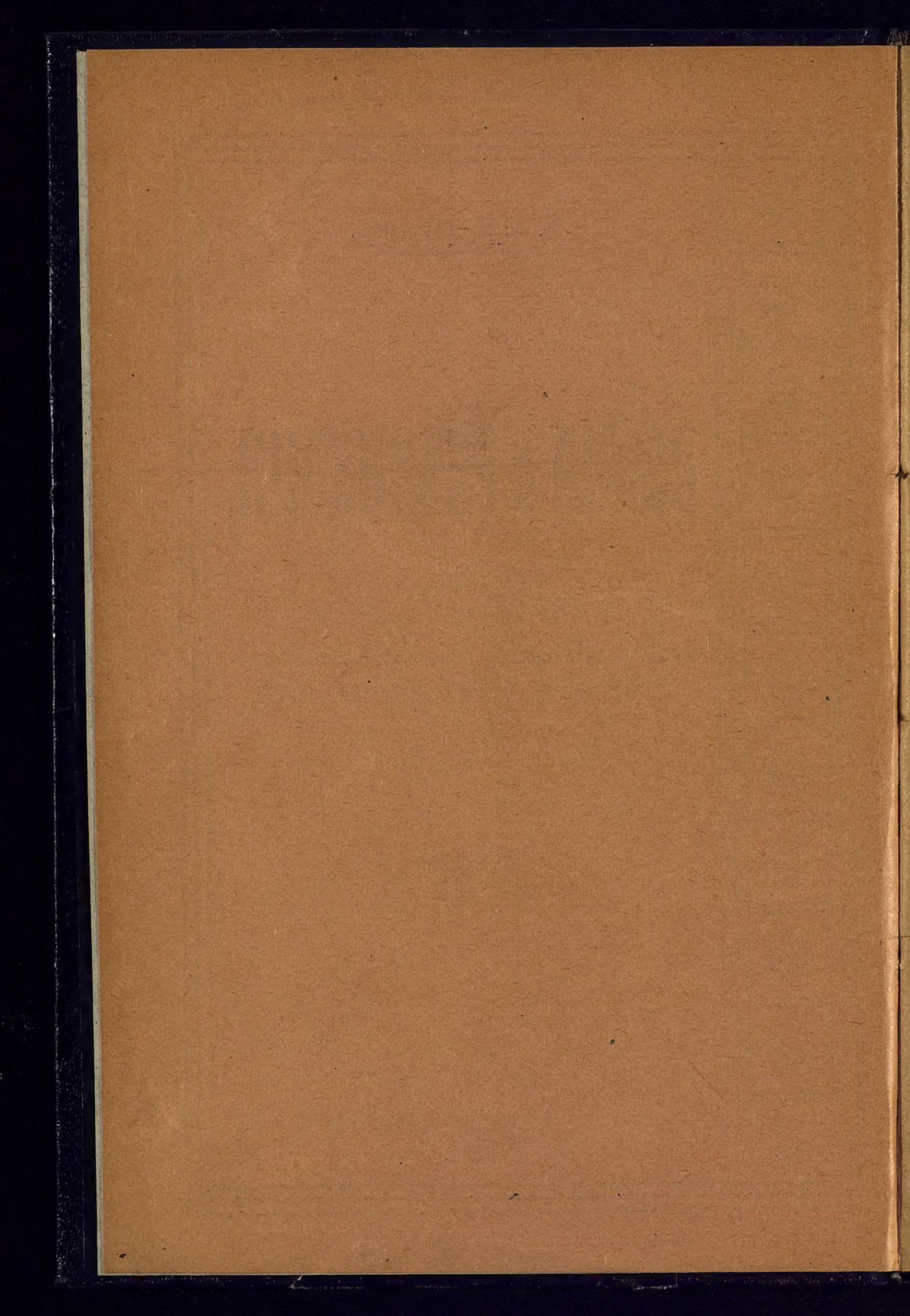
В. В. Водовозовъ.

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ.

Рѣчь, произнесенная на петербургскомъ организаціонномъ собраніи трудовой группы.

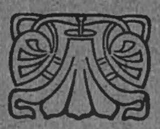
ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

В. В. ВОДОВОЗОВЪ.

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ.

РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ОРГАНИЗАЦІОННОМЪ СОБРАНІИ ТРУДОВОЙ ГРУППЫ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Типографія „Сельскаго Вѣстника“, Петроградъ, Мойка 32.

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ.

(Рѣчь, произнесенная на петербургскомъ организаціонномъ собраніи трудовой группы [1]).

I.

Отношеніе Трудовой Группы къ войнѣ до революціи.

Лишь только началась война, какъ она разслоила наше общество на нѣсколько противоположныхъ теченій, совершенно не совпадающихъ съ дѣленіемъ по политическимъ партіямъ. У соціалъ-демократовъ произошелъ настоящій расколъ, притомъ у большевиковъ и меньшевиковъ одинаково, и даже изъ состава думской фракціи по вопросу о войнѣ вышли Маньковъ и Бурьяновъ, не согласившіеся съ мнѣніемъ своихъ единомышленниковъ. Были разногласія и среди трудовой группы, тоже одно время грозившія. казалось, распадомъ. Этого не случнлось, и трудовики съумѣли найти общій языкъ.

На засѣданіи Гос. Думы 26 іюля 1914 г. былъ, какъ извѣстно, провозглашенъ Burgfriede; за него говорили и пр авые, и октябристы, и кадеты, и русскіе нѣмцы. Засѣданіе происходило черезъ недѣлю послѣ начала войны, когда было уже совсѣмъ ясно, что правительство—партійное, въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова—остается на своихъ мѣстахъ; что амнистія, данная во всѣхъ другихъ странахъ, не дана только въ Россіи; что преслѣдованія инородцевъ продолжаются попрежнему, и т. д. При изысканіи средствъ на войну правительство обратило, прежде всего, вниманіе на косвенные налоги, стремясь бремя войны возложить на плечи слабыхъ, а не сильныхъ. Такимъ образомъ бургфридена не пожелало

---

[1]) Эта рѣчь, произнесенная по порученію центральнаго комитета трудовой группы на собраніи петербургскаго отдѣла группы 12 марта, для печати пополнена нѣкоторыми новыми фактами, совершившимися до 2-го апрѣля 1917 г. *Авторъ.*

правительство, и 26 іюля говорить о немъ можно было, только закрывая глаза на вопіющіе факты.

Въ этомъ засѣданіи трудовая группа огласила слѣдующее заявленіе, которымъ мы, трудовики, имѣемъ всѣ основанія гордиться, и которое я, поэтому, привожу полностью.

„Тяжкое испытаніе пало на родину, и великая скорбь охватила всю страну. Тысячи и тысячи молодыхъ жизней обречены на нечеловѣческое страданіе, нищета и голодъ идутъ разрушать благосостояніе сиротѣющихъ семей трудящихся массъ населенія.

„Мы непоколебимо увѣрены, что великая стихія россійской демократіи вмѣстѣ со всѣми другими силами дадутъ рѣшительный отпоръ нападающему врагу и защитятъ свои родныя земли и культуру, созданныя потомъ и кровью поколѣній. Мы вѣримъ, что на поляхъ бранныхъ въ великихъ страданіяхъ укрѣпится братство всѣхъ народовъ Россіи, и родится единая воля—освободить страну отъ страшныхъ внутреннихъ путъ.

„Неискупима отвѣтственность правительствъ всѣхъ европейскихъ государствъ, во имя интересовъ правящихъ классовъ толкнувшихъ свои народы на братоубійственную войну. Соціалисты всѣхъ нынѣ воюющихъ странъ—Франціи, Англіи, Бельгіи и Германіи, — пытались протестовать противъ разразившейся нынѣ войны. Мы же — русская демократія — не могли даже въ этотъ страшный часъ во-время возвысить свой голосъ противъ надвигавшейся войны. Но, глубоко вѣруя въ единство всѣхъ трудящихся классовъ всѣхъ странъ, мы шлемъ свой братскій привѣтъ всѣмъ протестовавшимъ противъ подготовлявшейся братоубійственной бойни народовъ.

„Русскіе граждане! Помните, что нѣтъ враговъ у васъ среди трудящихся классовъ воюющихъ странъ. Защищая до конца все родное отъ попытокъ захвата со стороны враждебныхъ намъ правительствъ Германіи и Австріи, помните, что не было бы этой страшной бойни, если бы великіе идеалы демократіи,—свобода, равенство и братство,—руководили дѣятельностью правящей Россіи и правительствъ всѣхъ странъ.

„Между тѣмъ, власть наша даже въ этотъ страшный часъ не хочетъ забыть внутренней распри: не даетъ она амнистіи боровшимся за свободу и счастіе страны, не хочетъ примириться съ нерусскими народностями государства, все простившими и одушевленно борющимися вмѣстѣ съ нами за общую родину, и вмѣсто того, чтобы облегчить положеніе трудящихся классовъ народа именно на нихъ возлагаетъ главную тяжесть военныхъ издержекъ, усиливая бремя косвенныхъ налоговъ.

„Крестьяне и рабочіе, всѣ, кто хочетъ счастія и благополучія Россіи, въ великихъ испытаніяхъ закалите духъ свой, соберите всѣ ваши силы и, защитивъ страну, освободите ее.

„А вамъ, нашимъ братьямъ, проливающимъ кровь за родину, низкій поклонъ и братскій привѣтъ".

Изъ этого заявленія видно, что

1) трудовая группа уже тогда, при общемъ взрывѣ злобы противъ Германіи, не считала себя въ правѣ возлагать всю отвѣтственность въ полномъ объемѣ *только* на одно германское правительство и опредѣленно говорила объ отвѣтственности правящей Россіи и правительствъ всѣхъ странъ;

2) тѣмъ не менѣе, она считала совершенно необходимымъ вести войну съ Германіей, и какое бы то ни было пораженчество было ей совершенно чуждо;

3) но столь же чужды были ей завоевательныя цѣли войны; она признавала войну противъ германскаго правительства, но не противъ германскаго народа.

4) Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду поведенія правительства, даже предъ лицомъ внѣшняго врага не пожелавшаго внутренняго мира, она съ своей стороны считала нужнымъ вести войну на оба фронта,—противъ непріятеля извнѣ и противъ собственнаго правительства,

5) и вѣрила, что война приведетъ къ освобожденію отъ страшныхъ внутреннихъ путъ, т. е. къ революціи.

На этой позиціи трудовая группа оставалась все время вплоть до революціи.

Во время краткой (трехдневной) январской сессіи 1915 года Думы Керенскій еще отчетливѣе поставилъ нѣкоторыя точки надъ і.

„Здѣсь среди насъ не было никого, кто бы хотѣлъ (достигнуть мира) путемъ пораженія русскихъ войскъ......

„Мы должны сейчасъ бороться, и въ этомъ есть величайшая задача историческаго момента. Мы должны бороться въ этотъ моментъ, во имя окончательнаго освобожденія страны, за идеалы свободы, равенства и братства".

19 іюня 1915 года, въ годовщину объявленія войны, была открыта новая думская сессія. Въ первомъ ея засѣданіи предсѣдатель совѣта министровъ Горемыкинъ сдѣлалъ сообщеніе о томъ, что „его величествомъ повелѣно совѣту министровъ разработать законопроектъ о предоставленіи Польшѣ по завершеніи войны права свободнаго строенія своей національной, культурной и хозяйственной жизни на началахъ автономіи подъ державнымъ

скипетромъ государей россійскихъ и при сохраненіи единой государственности". Сообщеніе Горемыкина, по словамъ стенографическаго отчета, вызвало „бурныя и продолжительныя рукоплесканія и крики браво", — разумѣется не на скамьяхъ трудовиковъ или соціалъ-демократовъ. На томъ же засѣданіи Милюковъ сказалъ, что „въ этой войнѣ все наше прошлое и все наше будущее" и далъ „обѣтъ бороться до конца и ничего не щадить для достиженія окончательной побѣды", послѣ каковой долженъ быть водворенъ „прочный миръ и твердый правовой порядокъ въ Европѣ, усмирившей этого нарушителя порядка и мира", и „окончательно разрѣшена вѣковая національная задача—выходъ къ свободному морю, безъ котораго не можетъ быть закончено строеніе великаго государства". Еще раньше, 27 января, тотъ же Милюковъ выразилъ свое полное удовлетвореніе сообщеніемъ министра ин. дѣлъ Сазонова, такъ какъ изъ него онъ „узналъ, что осуществленіе нашихъ національныхъ задачъ стоитъ на вѣрномъ пути", почему онъ и высказалъ увѣренность, „что выполненіе главнѣйшихъ изъ этихъ задачъ—пріобрѣтеніе проливовъ и Константинополя—будетъ своевременно обезпечено, какъ дипломатическими, такъ и военными средствами".

Въ противовѣсъ этому кадетскому (или, можетъ быть, спеціально Милюковскому) оптимизму захватныхъ стремленій, Керенскій отъ имени трудовой группы выступилъ съ болѣе детальнымъ развитіемъ взгляда трудовой группы на цѣли и задачи войны. Онъ указалъ на разрушеніе нами всѣхъ культурныхъ очаговъ (школъ, газетъ) въ ненадолго завоеванной нами Галиціи, которую любили у насъ называть „подъяремной Русью", и объяснилъ, что оно, болѣе чѣмъ что бы то ни было другое, въ корень подрываетъ всякое довѣріе къ искренности освободительныхъ фразъ правительства. По отношенію къ Польшѣ Керенскій совершенно опредѣленно указалъ, что автономія, обѣщанная Горемыкинымъ, не должна увлекать поляковъ. „Русскій народъ давно съ вами (поляками) и давно сказалъ, что та судьба, которую вы сами выберете себѣ, свяжете ли себя съ однимъ изъ государствъ, или захотите быть независимыми,—мы поддержимъ васъ въ вашихъ свободно высказанныхъ чаяніяхъ. Мы это говорили раньше, а не въ моментъ, когда стыдно объ этомъ говорить".

Далѣе онъ же сказалъ:

„Гг., русская демократія, крестьяне и рабочіе никогда не хотѣли этой войны. Но когда она началась, они пошли умирать за страну. Но и тогда мы призывали и призываемъ сейчасъ всѣ трудящіяся массы всѣхъ воюющихъ странъ возстановить скорѣе

свое единеніе для совмѣстной работы за приближеніе того времени, когда можетъ быть произнесено слово „миръ“. Мы требуемъ, господа, чтобы во имя интересовъ массъ и будущаго демократіи всѣхъ воюющихъ странъ, всѣ воюющія правительства отказались отъ завоевательныхъ задачъ въ этой войнѣ. Пусть населенію спорныхъ территорій, нашей Польша, Бельгіи и Эльзасъ-Лотарингіи будетъ предоставлено по собственной волѣ свободно высказаться, какъ они хотятъ устроить свое государственное бытіе послѣ войны.

Такимъ образомъ впервые со дня начала войны въ русской Гос. Думѣ было опредѣленно и ясно указано на самоопредѣленіе національностей и на рѣшеніе территоріальныхъ споровъ посредствомъ плебисцита, какъ на условіе будущаго мира; впервые свобода обѣщана не тѣмъ только народамъ, которые сперва надо было завоевать, а также русской Польшѣ, за которой признавалось право вполнѣ свободно опредѣлить свою политическую судьбу, хотя бы ея рѣшеніе выпало противъ насъ и даже въ пользу Германіи.

Закончилъ свою замѣчательную рѣчь Керенскій прямымъ призывомъ къ революціи:

„Годъ тому назадъ мы говорили: создайте дѣйствительное единеніе, дайте амнистію, дайте свободу, равноправіе и неприкосновенность личности, обезпечьте экономическіе интересы трудовыхъ массъ, создайте равноправіе народностей. Это было нужно годъ тому назадъ, и, можетъ быть, если бы это было сдѣлано, мы не вступили бы въ ту страшную эпоху, которую переживаемъ. Прошелъ годъ, и тѣхъ мѣръ недостаточно, потому что разрушеніе государства достигло уже величайшихъ предѣловъ. Я призываю не васъ, а *само населеніе* взять въ свои руки спасеніе страны и во что бы то ни стало добиться права на управленіе государствомъ“.

II.

Истинный смыслъ войны. Насилія въ Галиціи и договоръ съ Италіей.

Военныя дѣйствія продолжались. Краткій періодъ галиційскихъ побѣдъ смѣнился періодомъ пораженій въ Царствѣ Польскомъ и побѣдоноснымъ шествіемъ нѣмцевъ къ Западной Двинѣ. Затѣмъ наступилъ продолжительный періодъ позиціонной войны безъ достаточно опредѣленныхъ результатовъ въ пользу той или иной стороны, пока не началась новая серія нашихъ пораженій на

румынскомъ фронтѣ. Въ то же время пожаръ охватывалъ все новыя и новыя государства.

По мѣрѣ развертыванія военныхъ дѣйствій характеръ войны дѣлался все болѣе и болѣе яснымъ. Освободительныя фразы повторялись правительствами воюющихъ державъ попрежнему. Но въ это же время сталъ извѣстенъ, хотя официально и не опубликованный договоръ союзниковъ съ Италіей, на основѣ котораго Италія вступила въ войну, и который вмѣстѣ съ совершенными нами насиліями въ Галиціи бросилъ особенно яркій свѣтъ на истинный смыслъ войны. Италія выторговала себѣ очень значительное территоріальное приращеніе. Ей гарантированы южный Тироль съ Тріентомъ, вся Береговая Земля (т. е. Герцъ и Градиска, Тріестъ и Истрія), сѣверная часть Далмаціи съ городами Зара и Спалато, средняя часть Албаніи съ Валоной, Родосъ и другіе о-ва Эгейскаго моря у малоазійскаго берега. Кромѣ того она должна получить выгодную желѣзнодорожную концессію въ малоазіатской Турціи. Такова цѣна крови, выторгованная Италіей. Эти земельныя приращенія во много разъ превосходятъ всѣ національныя притязанія Италіи, когда-либо ею выставлявшіяся. О національныхъ правахъ Италіи на Далмацію, Албанію и о-ва Эгейскаго моря не можетъ быть и рѣчи; въ Албаніи живутъ албанцы, итальянцы же составляютъ только ничтожный по численности пришлый торговый элементъ населенія; на Эгейскихъ островахъ живутъ греки въ перемежку съ турками; въ Далмаціи 97%, т. е. почти все населеніе поголовно принадлежитъ къ сербскому племени, итальянцы же составляютъ только $2^1/_2$%. Такимъ образомъ послѣ окончанія войны, въ случаѣ нашей побѣды, Италіи, кромѣ дѣйствительно итальянскихъ Тріеста и Тріента, обѣщаны области приблизительно съ 935-ю тысячами душъ совершенно чуждаго ей населенія, да еще хищническая концессія въ Турціи.

Какъ ни тяжело положеніе сербовъ подъ властью Австріи, но все-таки не можетъ подлежать сомнѣнію, что подъ властью Италіи оно станетъ еще хуже: вѣдь Австрія не денаціонализируетъ подвластные ей народы (это не относится, конечно, до Венгріи, которая въ этомъ отношеніи ведетъ себя гораздо хуже), тогда какъ Италія, вливъ въ свой сорокамилліонный государственный организмъ милліонъ славянъ, албанцевъ и грековъ, безъ всякаго сомнѣнія, прибѣгнетъ къ болѣе или менѣе насильственной ихъ денаціонализаціи. Этимъ и объясняется, что договоръ, заключенный съ Италіей за спиной Сербіи, которая о немъ не была даже освѣдомлена, вызвалъ тамъ сильное огорченіе и раздраженіе Въ сербской скупщинѣ былъ сдѣланъ запросъ о договорѣ, задѣ-

вающемъ, по слпвамъ интерпеллятора, интересы сербо-хорвато-словенскаго народа. Пашичъ отвѣтилъ, что оффиціальныхъ свѣдѣній о договорѣ у него нѣтъ, но что онъ надѣется, что Италія, сама когда-то объединившаяся во имя національнаго принципа и всегда этотъ принципъ уважавшая, не можетъ совершить ничего такого, что этотъ принципъ ниспровергаетъ въ самой его основѣ и наноситъ тяжелый ущербъ сербо-хорвато-словенской народности.

Но Пашичъ ошибся: договоръ, ниспровергающій національный принципъ, наносящій тяжелый ударъ той Сербіи, за свободу и права которой мы будто бы начали войну, этотъ договоръ былъ заключенъ.

III.

Война и Учредительное Собраніе.

Прошло три года тяжелой войны, и наконецъ пришла революція, вѣру въ приходъ которой трудовая группа выразила уже въ своей первой деклараціи 26 іюля 1914 года.

Положеніе вещей сильно измѣнилось. Войну ведетъ не деспотъ, враждебный народу, а самъ народъ, и онъ будетъ заключать міръ на выставленныхъ имъ самихъ условіяхъ.

Если мы не были пораженцами тогда, когда войну велъ Николай II вмѣстѣ съ Сухомлиновыми, Штюрмерами, Протопоповыми и имъ подобными, то конечно, не можетъ быть и рѣчи о пораженствѣ теперь, когда нѣмцы, побѣдоносно вступая въ Петербургъ, почти навѣрно привезли бы въ своемъ багажѣ императора Никилая, какъ сто лѣтъ тому назадъ императоръ Александръ I, вступая въ Парижъ, привезъ въ своемъ багажѣ Людовика XVIII. Слишкомъ ясно, что всякое пораженіе русскихъ войскъ теперь будетъ пораженіемъ революціи и свободы и окажется на руку только старой власти.

Пораженство, слабое и прежде, теперь совсѣмъ исчезло (если только на его сторону не перешли сторонники Николая II). Но все таки имѣется лозунгъ: „долой войну, да здравствуетъ миръ. Миръ, хотя бы и сепаратный, миръ во что бы то не стало“. На противоположномъ флангѣ мы имѣемъ мнѣніе Милюкова, выражавшееся имъ до революціи, и которому онъ оставался вѣренъ по крайней мѣрѣ въ первые дни послѣ революціи: война до окончательной, полной побѣды, до возможности продиктовать миръ, несущій расчлененіе Австріи и Турціи, аннексію Польши

германской и австрійской, аннексію Галиціи, Арменіи, Константинополя съ проливами.

Какую же позицію должна занять трудовая группа въ этомъ спорномъ вопросѣ неизмѣримой важности?

Къ счастью, она не только не должна отказываться отъ чего бы то ни было, ею высказаннаго, не только не вынуждена ходомъ вещей къ коренному пересмотру своихъ взглядовъ на войну, но легко можетъ остаться вѣрной тѣмъ началамъ, которыя она проводила подъ гнетомъ власти царской. Конечно, это относится только къ общимъ цѣлямъ и задачамъ войны. Ближайшая тактика настоящаго момента, равно какъ и наша тактика въ Учредительномъ Собраніи, а слѣдовательно, и платформа, съ которою группа должна предстать передъ избирателями, никоимъ образомъ не можетъ заключать простого повторенія нашей декларацiи 26 іюля 1914 г.

Основное наше положеніе есть народовластіе: благо народа и воля народа; все для народа и все черезъ народъ.

Старое правительство, не спрашивая мнѣнія народа, хотя бы въ лицѣ его думскихъ представителей, навязало намъ тяжелое наслѣдство—войну.

Имѣетъ ли временное правительство право отказаться отъ нея, какъ сынъ промотавшагося отца отказывается отъ имѣнія, чрезмѣрно обремененнаго долгами, и навязать намъ явно невыгодный миръ?

Конечно—нѣтъ. Это тоже было бы актомъ деспотизма.

Условія мира, который долженъ быть заключенъ по окончаніи настоящей войны, слишкомъ спорны, что бы кто бы то ни было, не будучи спеціально уполномоченъ на то народомъ, могъ взать на свою отвѣтственность его заключеніе. Временное правительство не можетъ этого сдѣлать,—вѣдь оно, выдвинутое революціонной волной, все же состоитъ изъ людей болѣе или менѣе случайныхъ. Оно признано страной, но только въ качествѣ временнаго правительства, имѣющаго полномочіе созвать учредительное собраніе и управлять страной до его созыва, но ни въ какомъ случаѣ не связывать страну своими рѣшеніями, подъ свинцовою тяжестью которыхъ народъ будетъ страдать цѣлыя десятилѣтія.

Конечно, если бы оказалось возможнымъ заключить такой миръ, или такое перемиріе, которые не возбуждали бы сомнѣнія и споровъ, то народъ только поблагодарилъ бы временное правительство. Но такой миръ въ настоящее время врядъ ли возможенъ.

Не можетъ взять мира на свою отвѣтственность и Петер-

бургскій Совѣтъ рабочихъ, который выражаетъ взгляды только петербургскаго рабочаго класса, быть можетъ не совпадающіе со взглядами рабочихъ другихъ городовъ, а тѣмъ болѣе крестьянства.

Рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ можетъ взять на себя только Учредительное Собраніе, которое получитъ полномочіе говорить отъ имени страны.

По обычному представленію Учредительное Собраніе рѣшаетъ вопросъ только о формѣ правленія и вырабатываетъ конституцію государства; другія задачи на немъ не лежатъ. Такое представленіе конечно совершенно не вѣрно въ примѣненіи къ учредительному собранію, вызванному къ жизни революціонной бурей. Оно полновластно,—ему принадлежитъ вся полнота власти учредительной, законодательной, исполнительной и судебной; его не ограничиваетъ никакая другая власть.

Въ настоящій историческій моментъ та или иная ликвидація войны еще настоятельнѣе требуется положеніемъ вещей, чѣмъ опредѣленіе формы правленія Россіи и выработка конституціи. И стряхнуть съ своихъ плечъ отвѣтственность за нее Учредительное Собраніе не можетъ. Избранное страною Учредительное Собраніе, и только оно одно, будетъ уполномочено сказать свое рѣшающее слово о войнѣ и мирѣ.

Итакъ, до созыва Учредительнаго Собранія временное правительство должно со всею энергіею продолжать войну. А наша обязанность—поддерживать его въ этомъ всѣми нашими силами, слѣдовательно, прежде всего возстановить въ прежнемъ объемѣ производительность нашихъ фабрикъ, работающихъ на оборону, если возможно, усилить ее, поддержать заемъ и т. д.

Но ведя со всею энергіею войну, правительство должно дѣйствовать такъ, чтобы какъ можно меньше связывать свободу рѣшеній будущаго Учредительнаго Собранія. Оно не должно до Учредительнаго Собранія заключать новыхъ договоровъ съ иностранными державами иначе, какъ съ обязательствомъ добиваться для нихъ ратификаціи будущаго Учредительнаго Собранія. Исключеніе должны составить только соглашенія о военныхъ дѣйствіяхъ, которыя не терпятъ отлагательства.

Оно должно подготовлять миръ въ будущемъ, и прежде всего сообщить нашимъ союзницамъ, что завоевательныя цѣли намъ чужды и что мы не можемъ служить чужимъ завоевательнымъ цѣлямъ. Оно должно сдѣлать все возможное, чтобы помочь странѣ выкристализовать свою волю. Необходимо освѣдомить ее относительно происхожденія и задачъ войны различныхъ странъ, и въ частности задачъ, которыя ставило себѣ прежнее русское

правительство. Для этого могло бы служить опубликованіе различныхъ договоровъ и соглашеній, заключенныхъ прежнимъ правительствомъ съ союзниками—само собою разумѣется, опять-таки за исключеніемъ военныхъ конвенцій, которыя неизбѣжно въ интересахъ успѣшнаго хода военныхъ дѣйствій должны сохраняться въ тайнѣ.

Дипломатія старыхъ правительствъ была основана на обманѣ и на тайнѣ. Дипломатія демократіи тайны не требуетъ. И не только демократія соціалистическая, но даже и современная демократія буржуазная. Конституція Соединенныхъ Штатовъ опредѣленно отрицаетъ секретные договоры и для всѣхъ договоровъ требуетъ санкціи сената. Въ Англіи уже давно существуетъ „лига демократическаго контроля", вполнѣ буржуазная по своему составу и тѣмъ не менѣе ставящая одною изъ своихъ задачъ—устраненіе тайны изъ сферы международной политики. И мы должны установить, какъ незыблемый принципъ, что договоры, налагающіе какія бы то ни было обязательства, не могутъ быть тайными.

Но что же дѣлать съ тѣми тайными договорами, которые уже заключены, въ особенности, если въ нихъ имѣется пунктъ объ ихъ опубликованіи не иначе, какъ съ общаго согласія? Можемъ ли требовать отъ Временнаго Правильства, чтобы оно нарушило это обязательство и опубликовало договоры?

Русскій народъ не можетъ считать себя **морально** связаннымъ какими бы то ни было тайными договорами, заключенными Николаемъ II. И не только тайными. Не мы заключали эти договоры, а нашъ злѣйшій врагъ: у насъ онъ не спрашивалъ не только согласія, но даже и мнѣнія. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права ни говорить отъ нашего имени, ни, тѣмъ болѣе, возлагать на насъ какія бы то ни было обязательства.

Но мы живемъ не въ безвоздушномъ пространствѣ, мы входимъ въ семью государствъ и народовъ, мы имѣемъ съ ними сложныя отношенія, мы связаны съ ними долговыми обязательствами, мы и впредь безъ всякаго сомнѣнія не сумѣемъ обойтись безъ займовъ за границей, хотя бы для ликвидаціи тяжелыхъ послѣдствій войны (возстановленія разрушенныхъ городовъ и деревень, желѣзныхъ дорогъ, мостовъ, пенсій инвалидамъ и т. д.); наконецъ, мы находимся подъ угрозой войны со стороны Японіи, которую Англія можетъ выпустить на насъ въ случаѣ нашего отказа отъ союза съ нею и т. д. и т. д. Вообще насъ могутъ принудить, и безъ всякаго сомнѣнія принудятъ къ исполненію обязательствъ, взятыхъ на себя старымъ

режимомъ и возложенныхъ имъ на насъ. И потому **политически** старые договоры для насъ обязательны, и въ томъ числѣ обязателенъ пунктъ объ опубликованiи секретныхъ договоровъ не иначе, какъ по взаимному соглашенiю. Но, конечно, временное правительство можетъ довести до свѣдѣнiя иностранныхъ державъ, что положенiе вещей въ Россiи измѣнилось, что общественное мнѣнiе требуетъ информированiя его по вопросу о возложенныхъ на Россiю обязательствахъ, въ силу чего временное правительство проситъ союзныя державы согласиться на опубликованiе договоровъ. Другими словами, временное правительство можетъ произвести на союзныя державы дипломатическое давленiе, чтобы заставить ихъ отказаться отъ тайны уже заключенныхъ договоровъ. Такое давленiе можетъ увѣнчаться успѣхомъ. А если не увѣнчается, то Временное Правительство должно оповѣстить насъ, что оно такое давленiе произвело, но безрезультатно.

IV.

Заемъ свободы.

Таковы задачи, лежащiя въ настоящiй моментъ на временномъ правительствѣ.

А наша задача,—задача всей русской демократiи,—поддерживать временное правительство въ тяжеломъ дѣлѣ веденiя войны. Съ того момента, когда правительство въ своемъ воззванiи 27 марта категорически отказалось отъ завоевательныхъ цѣлей войны и признало за народомъ право окончательнаго его рѣшенiя, съ того момента стало очевиднымъ, что правительство въ этомъ важнѣйшемъ вопросѣ дня стоитъ на нашей точкѣ зрѣнiя, и наша обязанность стала тѣмъ настоятельнѣе.

Выпускается въ свѣтъ большой заемъ. Займы—единственное или почти единственное средство вести войны. Старое правительство за два съ половиной года войны выпустило внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ на 20 миллiардовъ рублей, причемъ послѣднiе займы не удавались. Еще бы! Вѣдь монархiя доживала свои послѣднiе дни, и уже утратила всякiй кредитъ, политическiй и финансовый одинаково.

Новый заемъ выпускается для пополненiя военнаго фонда. Его неудача будетъ пораженiемъ во внѣшней войнѣ и почти навѣрное полной гибелью новаго режима. Напротивъ, его удача знаменуетъ возможность успѣшнаго веденiя войны и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпленiе уже завоеванной нами свободы. Въ полномъ

смыслѣ слова онъ является **„Займомъ свободы“**, и его дѣятельная поддержка есть и нравственный, и политическій долгъ всякой политической партіи, которая дорожитъ завоеваніями революціи, всякаго отдѣльнаго человѣка, который не хочетъ возврата къ прошлому.

V.

Война безъ аннексій и контрибуцій, война освободительная.

Что же должно сдѣлать само Учредительное Собраніе, или, другими словами, что можемъ мы предложить народу, какъ руководящій принципъ въ вопросѣ о войнѣ при избраніи членовъ будущаго Учредительнаго Собранія?

Россія не нуждается въ завоеваніяхъ. Миръ долженъ быть заключенъ безъ насильственныхъ аннексій, и прибавимъ къ этому, безъ контрибуцій,—вотъ нашъ основной принципъ, развивавшійся нами до революціи, и на немъ мы настаиваемъ теперь съ еще большей энергіей.

О контрибуціяхъ не стоитъ и говорить,—ясно, что контрибуцію, сколько нибудь соотвѣтствующую военнымъ издержкамъ, взять прямо невозможно. Если побѣдитъ Германія, то она можетъ быть раскромсаетъ нашу территорію, но ни въ какомъ случаѣ не наложитъ на насъ денежную контрибуцію; конечно не по великодушію.

По окончаніи войны и ликвидаціи ея ближайшихъ послѣдствій у насъ будетъ по крайней мѣрѣ 50 милліардовъ военнаго долга, и этотъ долгъ потребуетъ почти три милліарда ежегодныхъ платежей. Откуда же мы возьмемъ деньги для уплаты контрибуціи? Въ свою очередь, и мы не сможемъ взыскать контрибуцію съ побѣжденной Германіи, разоренной вѣроятно еще хуже, чѣмъ мы.

Гораздо болѣе споренъ вопросъ объ аннексіяхъ. Старая Россія желала присоединить къ себѣ во первыхъ прусскую и австрійскую Польшу; во вторыхъ австро-венгерскія земли, населенныя русинами (украинцами), т. е. всю восточную Галицію съ сѣверной частью Буковины и съ восточной частью Венгріи; въ третьихъ турецкую Арменію и, наконецъ, Босфоръ и Дарданеллы съ Константинополемъ. Эти стремленія цѣликомъ поддерживались нашими правыми, націоналистами, октябристами и кадетами и защищались съ большой энергіей Милюковымъ и „Рѣчью“.

Имперіалистской политикѣ захватовъ мы противопоставляемъ нашу политику, политику права народовъ на свободное само-

опредѣленіе. Что касается Польши, то въ настоящую минуту вопросъ о ней можетъ считаться принципіально рѣшеннымъ. Временное Правительство уже опубликовало превосходный манифестъ, которымъ возвѣщена ея полная свобода.

Я не думаю, чтобы отдѣльное государственное бытіе соотвѣтствовало интересамъ самой Польши. Русская Польша уже давно слилась съ Россіею въ единый хозяйственный организмъ и таможенная граница между ними, которая лишитъ лодзинскую промышленность ея русскихъ рынковъ, отзовется весьма болѣзненно на экономическомъ развитіи страны. Поэтому Польшѣ было-бы выгоднѣе всего присоединиться къ Россіи на правахъ несувереннаго государства, и можно надѣяться, что она сама это пойметъ и сама этого пожелаетъ. Но навязывать ей такое рѣшеніе мы ни въ какомъ случаѣ не имѣемъ права, и потому рѣшеніе правительства созвать особенное учредительное собраніе въ Варшавѣ и предоставить ему полную свободу самоопредѣленія есть рѣшеніе, которое нельзя не привѣтствовать отъ всей души. И конечно, именно такое можетъ всего скорѣе содѣйствовать тому, чтобы привязать Польшу къ намъ неразрывными узами. Такимъ образомъ отъ аннексіонистскихъ стремленій по отношенію къ прусской и австрійской Польшѣ мы, къ счастью, уже отказались.

Но то же самое нужно сдѣлать и по отношенію къ украинскимъ землямъ Австро-Венгріи и Россіи. Не аннексія, а полная свобода.

Въ Германіи крайняя восточная часть Восточной Пруссіи по правому берегу Нѣмана (Мемеля), непосредственно примыкающая къ нашей Литвѣ, составляетъ этнографически одно съ нею цѣлое: она населена литовцами. Этой небольшой территоріи, равно какъ и нашей Литвѣ, точно также должно быть предоставлено право на національное самоопредѣленіе.

По отношенію къ Арменіи вопросъ нѣсколько сложнѣе и труднѣе, такъ какъ значительная часть армянскаго населенія вырѣзана, другая бѣжала на Кавказъ, а на земли, оставшіяся безъ хозяевъ, пришло курдское и турецкое населеніе. Поэтому опросъ населенія въ его нынѣшнемъ составѣ могъ бы дать результатъ въ пользу Турціи, который явно не соотвѣтствовалъ бы ни интересамъ народа, ни справедливости.

Впрочемъ, такое же затрудненіе въ большей или меньшей степени существуетъ во всѣхъ спорныхъ земляхъ. Отовсюду имѣются бѣженцы и вездѣ имѣется элементъ, пришедшій вмѣстѣ съ войною. Ясно, что при опросѣ населенія, въ формѣ ли выборовъ въ мѣстное учредительное собраніе, или въ формѣ плебисцита,

необходимо дать право голоса только той части населенія, которая жила въ данномъ мѣстѣ до войны, ибо нѣтъ никакихъ основаній узаконивать захваты, созданные войной.

Представитъ также трудности и точное опредѣленіе территоріальныхъ границъ каждой спорной области. Вопрсъ, конечно, долженъ рѣшить плебисцитъ. Но гдѣ и какъ ставить вопросъ на плебисцитарное рѣшеніе? Если, напримѣръ, поставить вопросъ о присоединеніи къ Польшѣ Силезіи, Восточной или Западной Пруссіи, и считать голоса въ нихъ, какъ въ единыхъ и нераздѣльныхъ областяхъ, то большинство несомнѣнно окажется на сторонѣ Германіи. Между тѣмъ, нѣкоторыя части этихъ провинцій, и притомъ не составляющія цѣльныхъ административныхъ единицъ, населены поляками и должны быть польскими. Точно также Сувалкская губернія въ цѣломъ тяготѣетъ не къ Польшѣ, а къ Литвѣ, тогда какъ Сувалкскій и Августовскій уѣзды являются несомнѣнной частью Польши. Поэтому, ставя вопросъ на всенародное голосованіе (плебисцитъ), необходимо заранѣе опредѣлить не только то, кто будетъ имѣть право голоса, но и то, по какимъ территоріальнымъ единицамъ будетъ произведенъ подсчетъ поданныхъ голосовъ, а это не можетъ не вызвать очень острыхъ споровъ.

Каковы бы, однако, ни были трудности плебисцитарнаго рѣшенія вопроса, онѣ вполнѣ преодолимы даже по отношенію къ Арменіи.

Но что будетъ съ Россіей, если Польша, Литва, Украйна, Кавказъ, а можетъ быть и другія части пожелаютъ образовать автономныя единицы?

Ничего страшнаго. Безъ всякаго сомнѣнія ни одна изъ нихъ,—можетъ быть за исключеніемъ Польши,—не пожелаетъ образовать изъ себя совершенно отдѣльнаго государства, но всѣ онѣ сольются съ Россіей въ одинъ великій федеративный союзъ. подобный Соединеннымъ Штатамъ. А это будетъ только выгодно для всѣхъ, и для Великороссіи въ томъ числѣ. Вѣдь обособленность Финляндіи, представлявшей государство, долгое время сравнительно слабо связано съ Россіей, даже съ отдѣльной таможней, не представляла неудобствъ для насъ, и только изувѣрство стараго режима могло начать ея порабощеніе, которое оказалось губительнымъ для обѣихъ сторонъ.

VI.

Нужны ли намъ Константинополь и проливы.

Наиболѣе спорнымъ является вопросъ о Константинополѣ и проливахъ. Какъ извѣстно, бывшій министръ ин. д. Сазоновъ еще въ началѣ 1915 года заключилъ соглашеніе о нихъ съ Франціей и Англіей. Наши союзницы гарантировали Россіи политическую власть надъ проливами. Сазонова привѣтствовалъ за эту политическую побѣду Милюковъ, выражая благодарность ему за обезпеченіе дипломатическимъ путемъ того, что Милюковъ считалъ тогда насущной національной задачей Россіи. Съ тѣхъ поръ и до самыхъ послѣднихъ дней Милюковъ твердо стоялъ на своей позиціи, несомнѣнно выражая въ этомъ отношеніи мнѣнія значительной части русской буржуазіи, заинтересованной въ расширеніи русскаго рынка и русскаго вліянія на малоазіатскомъ и балканскомъ рынкахъ, и въ то время мнѣніе значительнаго числа русскихъ обывателей, которые, не будучи связаны своими интересами съ русскимъ экспортомъ, еще не вполнѣ освободились отъ гипноза старинной славянской мечты о водруженіи креста на св. Софіи, привлекательной въ своемъ романтическомъ ореолѣ, но уже давно потерявшей всякое политическое содержаніе.

Нужна ли намъ политическая власть надъ Константинополемъ и проливами?

Ни въ какомъ случаѣ. Такая власть можетъ быть только вредна.

Свобода плаванія по проливамъ должна быть обезпечена. Но она признана уже адріанопольскимъ трактатомъ 1829 года и съ тѣхъ поръ ни разу не нарушалась въ мирное время.

Въ военное же время обезпечить ее нельзя. Выходъ изъ Дарданеллъ такъ узокъ, что всякая воюющая съ Россіей сильная морская держава безъ всякаго труда съумѣетъ его закупорить, какъ узкое горлышко бутылки. Свобода плаванія все равно будетъ нарушена. Да и безсмысленно воевать для того, чтобы предупредить возможность закрытія проливовъ во время войны.

Но можетъ быть нужно завоевать Константинополь, чтобы предупредить его захватъ нѣмцами?

Странный вопросъ! Вѣдь, если мы будемъ побѣждены, то не можетъ быть и рѣчи о его завоеваніи,—и потому всѣ сторонники аннексіи Константинополя совершенно правильно строятъ свои планы на вѣрѣ въ нашу побѣду. Если же мы побѣдимъ, то неужели мы не сможемъ принудить нѣмцевъ отказаться отъ

своихъ имперіалистскихъ плановъ? Во всякомъ случаѣ раньше и легче можно добиться мира, одинаково выгоднаго для обѣихъ сторонъ, чѣмъ мира односторонняго.

Самое обладаніе Константинополемъ можетъ только увеличить вѣроятность новыхъ войнъ. Слишкомъ ужъ лакомый кусокъ Константинополь. И на бѣду онъ, будучи хорошо защищенъ съ моря узостью двухъ проливовъ, съ суши легко доступенъ и явится для насъ ахиллесовой пятой. Если Россія будетъ властвовать только надъ самимъ Константинополемъ и узкой полосой земли по берегамъ проливовъ, то всякая европейская коалиція, направленная противъ Россіи, привлекши къ себѣ Болгарію или малоазіатскую Турцію, быстро и легко возьметъ его сравнительно небольшими силами.

Чтобы предупредить такую легкую уязвимость Константинополя, необходимо было бы завладѣть не узкою только полосой земли по берегамъ проливовъ, но всѣми балканскими и малоазіатскими владѣніями Турціи, т. е. присоединить къ Россіи еще десятимилліонное населеніе, которое подчинится намъ крайне неохотно; для сохраненія надъ нимъ власти придется прибѣгать къ деспотическимъ мѣрамъ, которыя будутъ задерживать развитіе турецкаго населенія и развращать русскую власть. Для самодержавія онѣ были вполнѣ естественны; для власти демократической это можетъ оказаться губительнымъ.

Итакъ, отъ захвата Константинополя нужно отказаться не только потому, что всякій насильственный захватъ чужой территоріи долженъ быть противенъ демократіи, но и потому, что незачѣмъ засѣвать намъ сѣмена новыхъ войнъ, которыя рано или поздно дадутъ печальную жатву. Необходимо удовольствоваться нейтрализаціей проливовъ. О формѣ нейтрализаціи я пока говорить не стану. Это подробность, которая, конечно, можетъ быть спорной.

Въ Россіи, безъ всякаго сомнѣнія, имѣются вліятельные круги, настойчиво стремящіеся къ аннексіи проливовъ, и они будутъ энергично противиться нашему предложенію. Но мы должны помнить, что ихъ стремленіе въ Константинополь объясняется не желаніемъ свободы плаванія по проливамъ, а желаніемъ ограничить чужую свободу плаванія по нимъ. Въ немъ есть несомнѣннѣйшій элементъ грубаго хищничества.

Нельзя забывать и того, что кромѣ Россіи (и въ настоящее время Турціи) на Черномъ морѣ имѣются еще два государства — Румынія и Болгарія, и ихъ интересы были бы очень болѣзненно затронуты захватомъ Константинополя Россіей.

Въ первое время послѣ революціи аннексіонистскія стремленія раздѣлялись, вѣроятно, большинствомъ министровъ во временномъ правительствѣ, и одинъ Керенскій отстаивалъ точку зрѣнія демократіи. Но постепенно Милюковъ и его единомышленники сдавали позицію за позиціею. Рѣшительное заявленіе Керенскаго о нежелательности для Россіи какихъ бы то ни было завоеваній и тотъ сочувственный отголосокъ, который это заявленіе нашло за границей въ связи съ растущимъ въ странѣ отвращеніемъ въ какомъ бы то ни было завоевательнымъ планамъ и съ трудностью ихъ практическаго осуществленія, заставили все временное правительство перейти на сторону Керенскаго. Правительство объявило объ отказѣ отъ завоевательныхъ стремленій по отношенію къ Польшѣ; потомъ Керенскій и Некрасовъ, товарищъ Милюкова не только по правительству, но и по партіи, заявили публично, что взглядъ Милюкова на аннексію Константинополя есть его единоличный взглядъ, и, наконецъ, 27 марта былъ опубликованъ отъ имени всего временнаго правительства манифестъ о войнѣ, въ которомъ признана наша точка зрѣнія, хотя можетъ быть и не съ вполнѣ достаточной ясностью.

Во всякомъ случаѣ, мы должны отъ всей души привѣтствовать благородное заявленіе правительства, совершенно исключительное въ лѣтописяхъ всемірной исторіи.

VII.

Наша награда за пролитую кровь.

— За чѣмъ мы воевали? Значитъ, мы должны отказаться отъ всякаго вознагражденія за пролитую нами кровь и понесенныя нами жертвы?

Нѣтъ. Мы получили уже свою награду за пролитую кровь, это—паденіе стараго режима, тяготѣвшаго надъ Россіей. И если нужно было для такого торжества заплатить такую плату, — то жалѣть объ этомъ не приходится. Мы содѣйствовали торжеству демократіи не только въ Россіи, но во всемъ мірѣ; мы предотвращаемъ возможность войнъ въ будущемъ, мы навсегда избавляемся отъ тяжелаго бремени милитаризма. Неужели этого мало?

До сихъ поръ мы несли пораженія. Старое знамя—война до окончательной побѣды, до возможности продиктовать нѣмцамъ условія мира; война для аннексій, насильственное расчлененіе Австріи, уничтоженіе Турціи, — это знамя, эти задачи войны намъ не принесли ни побѣдъ, ни славы. Если мы въ наслѣдство отъ стараго режима примемъ не только войну, но также и ея задачи, то вмѣстѣ

съ ними мы унаслѣдуемъ и пораженія. Нельзя же забывать, что какъ ни велика отвѣтственность за войну Германіи и даже германскаго народа и въ частности соціалъ-демократіи, то теперь Германія борется за свое національное самосохраненіе, и это придаетъ ей страшную силу отчаянія. Мы можемъ разсчитывать на побѣду, только развернувъ свое знамя, знамя революціи и свободы, то самое знамя, подъ которымъ мы побѣдили императора Николая II. Подъ нимъ, но только подъ нимъ, мы можемъ надѣяться побѣдить и его стариннаго вѣрнаго друга, императора Вильгельма. Подъ нимъ и только подъ нимъ, можетъ быть расчленена и Австрія, но только въ томъ случаѣ, если этого пожелаютъ населяющіе ее народы.

VIII.

Миръ на началѣ status quo.

А если Германія, испуганная надвигающейся на нее революціей, истомленная войной, больше, чѣмъ мы, если Германія опредѣленно заявитъ, что она съ своей стороны тоже отказывается отъ какихъ бы то ни было завоевательныхъ цѣлей и согласна на миръ на началѣ status quo ante bellum, т. е. возвращенія къ прежнимъ территоріальнымъ границамъ съ полнымъ возстановленіемъ Сербіи и Бельгіи? Что должно дѣлать въ такомъ случаѣ временное правительство и что должны дѣлать мы, русскій народъ?

Безъ всякаго сомнѣнія, тѣ цѣли, которыя мы ставимъ въ настоящую минуту войнѣ, такимъ миромъ достигнуты не будутъ по крайней мѣрѣ немедленно.

И тѣмъ не менѣе, врядъ ли было бы правильно отказаться отъ такого мира. Вѣдь все-таки въ Германіи революція пока не наступила; вѣдь все-таки Германія обнаруживаетъ значительную силу сопротивленія, и война до нашего торжества, даже подъ развернутымъ революціоннымъ знаменемъ, потребуетъ не одного, а многихъ мѣсяцевъ. Между тѣмъ, каждый день войны, унося безчисленныя жертвы кровью, вмѣстѣ съ тѣмъ подрываетъ основы будущаго благосостоянія какъ Россіи, такъ и нашихъ союзниковъ и вообще всего міра. Чѣмъ дольше продлится война, тѣмъ труднѣе будетъ возстановленіе потрясеннаго организма всѣхъ существующихъ государствъ. Длить войну во имя освобожденія чужихъ народовъ мы не можемъ.

Тѣмъ болѣе, что эти народы несомнѣнно освободятся сами послѣ того, какъ палъ величайшій оплотъ реакціи и насилія въ

мірѣ, — русское самодержавіе. Императоръ Вильгельмъ всегда очень дорожилъ сохраненіемъ деспотической власти русскаго царя надъ русской Польшей,—и это совершенно понятно. Какъ только будетъ освобождена хотя бы только русская часть Польши, такъ сохраненіе германской Польши въ прежней подчиненности окажется невозможнымъ. Вѣдь изъ русской Польши будетъ дуть на него свободный вѣтеръ. Въ русскую Польшу будутъ спасаться польскіе эмигранты изъ Польши германской; революціонное движеніе въ германской Польши будетъ находить и нравственную, и матеріальную поддержку у зарубежныхъ братьевъ. Освобожденіе германской Польши станетъ вопросомъ нѣсколькихъ лѣтъ, а за нимъ, можно думать, совершится и объединеніе всей Польши. Точно также послѣ торжества свободы въ Россіи и прежняя власть Австро-Венгріи надъ подчиненными ей народами станетъ невозможной.

Но можетъ быть такой миръ на началѣ status quo будетъ только перемиріемъ? Можетъ быть Германія, оправившись отъ ужасовъ настоящей войны, соберется съ силами и вновь бросится на насъ?

Ни въ какомъ случаѣ. Броситься на насъ Германія могла бы только въ томъ случаѣ, если бы у нея попрежнему оставался такой союзникъ, какъ императоръ Николай съ Распутиными, Сухомлиновыми, Штюрмерами и Протопоповыми. Свободная Россія быстро разовьетъ свои силы и нападеніе на нее станетъ невозможнымъ. Да и быть не можетъ чтобы въ самой Германіи урокъ настоящей войны прошелъ безслѣднымъ.

Итакъ, миръ на началѣ status quo для насъ пріемлемъ. Но, конечно, только при условіи, чтобы status quo распространилось не только на насъ, но и на Францію, на Бельгію, на Сербію и Черногорію; а также при томъ условіи, чтобы на него согласились наши союзницы. Сепаратный миръ для насъ, конечно, не мыслимъ.

Къ тому же возможно говорить о территоріальномъ status quo, а не о дѣйствительномъ и полномъ status quo. Полное status quo—значитъ императоръ Николай II, Сухомлиновъ, Штюрмеръ, Протопоповъ, Распутинъ. А ихъ нѣтъ и не будетъ. Въ самой Германіи измѣнилось слишкомъ многое. Германія завтрашняго дня не будетъ похожа на Германію вчерашняго, и миръ на началахъ только территоріальнаго status quo обѣщаетъ свободное развитіе не только намъ, но и потрясенной Германіи.

IX.

Итакъ, я формулирую свои положенія.

А. До Учредительнаго Собранія.

1. До Учредительнаго Собранія временное правительство должно вести войну со всей возможной энергіей, ни въ какомъ случаѣ не навязывая странѣ невыгоднаго мира. Мы должны поддерживать правительство въ веденіи войны, содѣйствуя по мѣрѣ силъ возстановленію производительности заводовъ, работающихъ на оборону, успѣху займа и т. д.

2. Желательно немедленное выясненіе вопроса о происхожденіи и о цѣляхъ войны, поставленныхъ себѣ прежнимъ русскимъ правительствомъ и нашими союзниками, путемъ публикаціи всѣхъ секретныхъ договоровъ, кромѣ чисто военныхъ.

3. Отказъ отъ завоевательныхъ цѣлей войны, провозглашенный временнымъ правительствомъ 27 марта, мы должны привѣтствовать отъ всей души.

4. Всякая попытка начать переговоры о мирѣ должна быть привѣтствуема, но до Учредительнаго Собранія можно заключить миръ только на началѣ status quo ante bellum. Желательно, чтобы было приступлено къ дипломатической подготовкѣ нашихъ союзниковъ о необходимости отказа и для нихъ отъ завоевательныхъ цѣлей войны.

5. Временное Правительство не должно заключать никакихъ договоровъ (кромѣ военныхъ конвенцій) иначе, какъ съ условіемъ предоставить ихъ на ратификацію (утвержденіе) Учредительнаго Собранія, и въ особенности никакихъ секретныхъ договоровъ.

Б. На выборы мы идемъ со слѣдующей программой:

1. Мы стоимъ за скорѣйшій миръ, но не за миръ во что бы то ни стало.

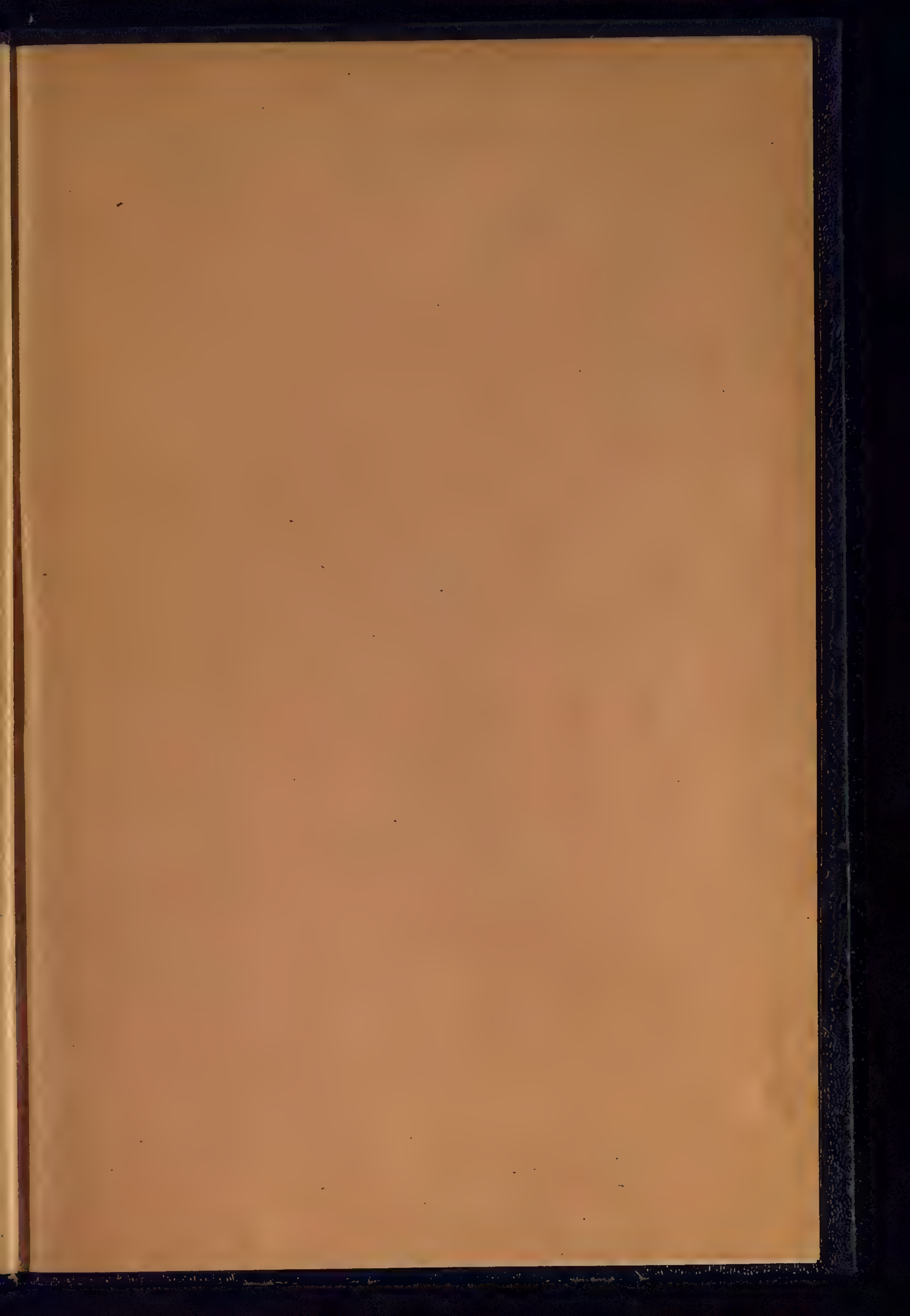
2. Полный отказъ отъ всякихъ завоевательныхъ цѣлей войны, въ томъ числѣ и по отношенію къ Константинополю. Миръ долженъ основать новый строй Европы на началахъ братства народовъ. Никакихъ насильственныхъ аннексій, никакихъ контрибуцій.

Всякое территоріальное измѣненіе должно производиться на основѣ плебисцита. Россія не должна настаивать на сохраненіи своей власти надъ подвластными ей донынѣ народами. Русской Польшѣ, Литвѣ, Украйнѣ, Арменіи должна быть предоставлена свобода опредѣлить свою судьбу.

3. Впредь не должно допускать никакихъ секретныхъ договоровъ съ иностранными державами.

В. Водовозовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Складъ изданія въ бюро **Трудовой Группы**, Петроградъ, Суворовскій проспектъ, д. № 29, кв. 10. Тел. 662-21.

